

Геннадий Леонидович
Копытов

Мой парашютный предел

Роман

Геннадий Копытов

Мой парашютный предел. Роман

«Издательские решения»

Копытов Г. Л.

Мой парашютный предел. Роман / Г. Л. Копытов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967909-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Парашюты рванули И приняли вес, И земля
всколыхнулась едва...» Михаил Анчаров «Баллада о парашютах» «Ой, ты ночка-
чарауwnіца, Адкажи мне, Купалінка, Дзе жицця майго крыніца? Дзе любоув
мая-дзяувчына?» Л. Тышко и В. Мулявин.

ISBN 978-5-44-967909-3

© Копытов Г. Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
«Письмо из СА. «Дембель в маю...»	6
Часть вторая	11
«Непрочитанное письмо»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мой парашютный предел

Роман

Геннадий Леонидович Копытов

© Геннадий Леонидович Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-7909-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

«Письмо из СА. «Дембель в маю...»

Армейским братишкам:
Николаю Морозову,
Коршунову Андрею,
армейской подруге —
отважной и нежной
парашютистке-
Одинцовой Ритульке
— посвящается!

10 мая.

Вечером, как всегда, собрались в полковом клубе мои друзья: Николай Саратов – завклубом, Андрей Коршунов (хотя он утверждает, что был тогда в командировке), Коля Морозов, и наши девочки: премилая татарочка и две нежные казачки.

Три подружки, ученицы девятого класса – Нелли, Ольга и моя парашютистка- Маргаритка. В руках у девочек, почему-то, много матовых, одуряюще-душистых ландышей, свежих, как наши девчужечки. Наверное, мы проредили клумбу у клуба.

Я пришел в фуражке и «парадке».

Марго озадаченная:

– Что, ты, такой красивый и задумчивый?.. В фуражке...

– Завтра домой еду! Дембель. Придешь провожать?..

Улыбка, с её, ослепительно- прекрасного, лица стекает вязкой тенью, из карих глаз Маргуши бегут слезы. Я обнимаю ее, грустную, опешившую от моего безмерного счастья и её неожиданного отчаянья, и тащу целовать в комнату киномеханика...

Наверное поэтому не успеваю написать самому себе письмо из СА.

Хотя давно задумал, и всё откладывал, этот странный ход, но щемяще-печальная, хотя и выжимающая из себя улыбку, на объектив фотоаппарата, Ритуля и друзья, в этот вечер, казались важнее!

Послание из прошлого, письмо из СА.

Пришло с запозданием в десятки лет.

Вот оно!! Из солдатского конверта
без марки, со штампом «СА», выпадают два
пожелтевших тетрадных листа в клетку.

Тогда так не смог бы написать.

Да и что было бы в том письме?

О чем серьезном мог сообщить самому себе?

– Привет мне? от меня? из армии?

Конечно же: причудливо-замысловато, немыслимо, пронзительно-завораживающе; приехать домой и получить письмо из армии... от себя...

Какой-то психо-временной скачок, не только, с расщеплением, но с полным растворением личности в хаосе не заимствованной зауми...

Мы закрываем на запоры огромные двери армейского клуба. Я вольготно раскидываюсь на стендах. Гитара в моих руках:

– Уезжают в родные края...

Рита просила меня не напиваться в паровозе! Конечно же, найився-напився с какими-то дембелями из Москвы, хотя назойливо помнил её отчаянную, наивную детскую просьбу:

– Геночка, ну пожалуйста, не пей! Нет такой причины, чтобы напиваться!!

Добрая, нежная, заботливая Ритулька...

Теперь право на роман в письмах, на целых пять лет (может, даже больше), перешло от «бывшей» (но давно являющейся, «никакой») к Ритуське Одинцовой...

12 мая.

Я демобилизовался из СА.

На следующий же день, абсолютно случайно на троллейбусной остановке, (ехал в институт подавать документы, в июне начинались приемные экзамены) наткнулся на девочку, с которой встречались до армии. Она предложила, если я интересуюсь ею, то звонить, заходить. Но я не сделал ни того, ни другого.

Она же, писала мне в армию, бессмысленно-мудреными словами:

– Не надо инициировать чувства! —

Ну, а как их не «инициировать», если они сами, откуда-то, инициируются и аккумулируются, и переливаются через край!

Я был, так весело «отпиночен» ею год назад, когда приезжал в отпуск...

Сейчас же, сам приехал из «армейки»,

как персонаж «пиндосовского» фильма, «тупой – еще тупее».

С казАчками никогда глобальных тем не прокачивали. Гуляли и целовались, а с Ритулькой еще и разом «звальновались з литака»...

Поэтому интересоваться и общаться с девочкой из бессмысленного, доармейского, расползающегося, непростого прошлого на одном языке, я вряд ли смог бы, да и просто не хотел.

Воспоминания о ней, вызывали во мне приступ дурноты и озлобления.

Я осознал, что мы кардинально иные. Разнопланетные. Разновекторные.

А вот, Ритулькины письмишки, долго ещё, грели меня провинциальной наивностью и нежностью...

После окончания 10 класса Рита поступила в Сестрорецкий торговый «колледж». Переехала к сестре из знойной Кубани в мокрый Питер (на тот момент Ленинград).

Я попытался на новогодние каникулы прилететь к ней. На руках авиабилет, Рита не поехала на праздники домой и встречает меня в аэропорту Пулково...

Повторяется история с её не приходом на автостанцию: на мой дембель, но ровно наоборот. Меняемся местами. Теперь не прихожу (не прилетаю) я..

Через пять лет попытка номер два – командировка в Питер.

Меня тянуло в Сестрорецк. На «Газ-53» молодой водитель Андрей. Без лишних уговоров, с пониманием ухмыляясь, он согласился, что заедем в Сестрорецк.

Февраль лютовал и переметал метелью трассу Москва-Петроград.

Где-то под Вышним Волочком это и произошло.

Я дремал, вдруг Андрюха взвизгул, вместе с тормозами:

– Пёстец!

И сразу жесткий удар. Открыл глаза и успел заметить, как собирается в гармошку синий капот «Газона» и пар рванул во все стороны. Потом, рукоятка переключения скоростей лупит меня по щцам, и я оказываюсь под приборной доской.

Оказалось, что наш «Газончик» занесло на льду, и он врубился в задний угол борта грузового «Форда».

Дверь с моей стороны заклинило.

Гайцы, прОтокол.

Кабина остыла за считанные минуты. Андрюха пытался обогреть нас коптящим «Шмелем». Лохмотья керосиновой горелки плавали перед глазами. Дышать было невозможно. «Газенваген». Я вылезая через водительскую дверь на дорогу.

Какая-то деревня. Есть палатка с водкой, пивом и сладостями. Продавец подсказал, что в соседнем доме-телефон.

Звонок в гараж. Завгар расстроился. Обещал срочно выслать «Камаз» за нами. Напугал его, что стоим посреди чиста поля, мороз тридцатник. На пять градусов соврал.

Сто рублей оставляю под телефоном...

Два дня пили. Ночевали в палатке. Вторую ночь помню плохо.

Утром пришел заводской «Камаз». Мы зацепили «пятьдесят третий» на жесткую сцепку.

Андрюха, с удивление выгреб, и выбросил в контейнер шесть пустых бутылок из-под «Лимонной водки»!!!

Меня похмелили и закинули в спальный отсек.

Половину дороги я давился слезами под бесконечного Шуфутинского. То ли от того, что не доехал до Риты, то ли стресс вытекал вместе с алкоголем. Так было горько и досадно. Я не понимал, почему?!

Водилы весело болтали на передних сиденьях, а я, через каждые полчаса выль навзрыд, закрывая рукавицей лицо и зажимая рот. Я не хотел, чтобы суровые «рули» зачислили меня в истерички...

Вылез напротив дома и купил бутылку перемороженного пива. Другого не было.

Глотал кусочки льда и слёзы. Вкуса пива не чувствовал...

Через месяц – повтор невыполненной командировки. Водилы из гаража не хотели со мной ехать. Говорили, что я «аварийщик».

Деваться им было некуда, выделили новую машину и другого водилу.

Разбитый «Газон» загнали на яму.

Рихтовали и меняли облицовку и капот, заменили пробитый радиатор, движок, треснувший и сорванный с креплений, обменяли на капремонтный...

Попытка номер три.

Опять уговариваю водителя «ЗИЛ-130» заехать в Сестрорецк. Соглашается.

Но под Тверью, встречный «Камаз» плюёт в лобовое стекло, совсем небольшим, камушком. Стекло осыпается в бутерброды, разложенные на пакете на моих коленях.

Март месяц. Минус десять, на скорости 30 км/ч, без стекла, это все двадцать пять градусов мороза с ледяным сквозным ветрилой. Всё, что было в сумке надеваю на себя и накручиваю на горло.

Десять километров в растеклённой кабине, до первого автосервиса. Покупаем «лобовуху» на деньги, отложенные на горючку до Сестрорецка.

Солидолим и вставляем, по очереди, голыми коченеющими руками (в перчатках не получается!), резиновое уплотнение по хитрогнутому периметру «зиловской лобовухи»...

Заезд в Сестрорецк отменен. Хватило бы денег на бензин до дома!

Из завода в Питере, решительно звоню в справочную телефонную службу:

– По данному адресу телефон не зарегистрирован! -сухой безразличный ответ, сжимающий, до отрицательного значения, надежду наконец-то обнять свою парашютную сестрёнку.

Грузимся и разворачиваемся домой...

А она была в каких-то ста километрах от меня!

Вот и всё...

Я удаляюсь всё дальше и дальше от неё – километры, годы разделяют нас.

Чувствую, реально-жгуче, её укоряющий взгляд на моей спине...

Но бывшая до этого расплывчатой, в смоге, за питерскими мостами, развидняется Наша Южная Набережная!..

Мы встречаемся, обнимаемся. За Маргушиной спиной, за парашютом серо-освинцованное море, одноцветно слитое с небом.

Безграничная нежность и слёзы...

Рита-Ритулечка. Как-то очень уж небрежно и поспешно расстались мы с тобою!?

И когда, вдруг, проявляются старые армейские друзья, спивающиеся, загнанные, безработные, не похожие на себя юных, с массой каких-то проблем, или же проявляется девчущечка, которую любил десятки лет тому назад-происходит нечто трансцендентное. Прогружаешься в сакральные глубины смысла их присутствия в твоём прошлом, в твоей жизни...

И про девочку -наконец-то, осознаёшь (или не осознаёшь) смысл её отсутствия!

Залипаешь в центростремительную воронку совместно-несовместимых событий...

Хотя странно. Ты, мог бы вспоминать и думать о них и раньше, вне их визуализации, прокручивая черно-белую плёнку советского фильма о пламенных комсомольцах и бесплатной романтике, переоценить которую не в силах, настолько недостижимо простой и великолепной кажется она теперь.

Контакт со всеми этими людьми наэлектризованный и неистовый, запускает ослепительное цифровое кино.

Побежали кадры.

...В парашютном классе едим сало с тульским пряником, из моей посылки. Мамка не знала, что с хлебушком тут «могёт быть» туго.

Пьем водку и красиво поем, под мой гитарный аккомпанимент, после отбоя, хотя завтра прыжки.

Но не подводит ни водка, ни бессонница.

Утром перед погрузкой в аэроплан, на тонометре фельдшера, спартанское давление – 120 на 60!

А вот встряли в жестокую рукопашную схватку со старослужащими...

Переживаем, остро скучаем друг за другом, когда кто-то в командировке, или «на кичи» под следствием...

Вот они опять рядом, и я вновь в прекрасном, счастливом далеке! Вынимаю его из-за темного горизонта прошлого и пристально всматриваюсь.

И живу этим, прямо здесь и сейчас.

Хорошо, что вы есть, мои армейские братишки-товарищи...

И девчоночки, так и не ставшие женами...

Во сне, я бесконечное количество раз, попадаю в казарму, в день демобилизации. Спешу в город на набережную, где встречались с Ритулей в увольнениях. Но с новым сном, город всё меньше похож на себя, пропадает, то море (усыхая до лужи), то набережная трансформируется в базар-вокзал, то казарма совмещается с дачей пионерского лагеря.

Я осознанно помню, что обязан увидеть её перед отъездом!

Бегу по опустевшей площади перед кинотеатром, по забитой порожними «ПАЗиками» автостанции, по безлюдной набережной. Монотонный прибой моет бетонный парапет.

Но Риты нет нигде...

В одном подленьком сне, старшие укладчики Никонец и Дегтяренко заставляют меня пить с ними самогон. Почему-то в сарае, под предлогом: отметить увольнение в запас, и чтобы я не искал её.

Чувствую вонь самогона, но опьянения нет. Я убегаю от них. Пробиваюсь сквозь хаос чуждой архаики, закоулочных развалюх, осознаю, что не могу найти её дом, хотя наизусть помню адрес, но опять, обреченно, пью с прапорщиками...

Мишка Никонец, с пониманием, хлопает меня по плечу:

– Говорили, не ищи!

Но я, всегда пытаюсь найти своих друзей и подруг из Прошлого, зачем-то...

Часть вторая

«Непрочитанное письмо»

Кому: М.О.

Куда: город ПА

От кого: Familiar anonymous

«Свершилось, темные свернулись листы,
На легком пепле их заветные черты...»
«Сожженное письмо» Пушкин А. С.

On the leaves in form of tears,
I writing you a letter under
a weeping willow...

Это письмо было отправлено, но вернулось.
Адресат, якобы, выбыл...

События разворачивались в незапамятные времена! Когда еще не было ни «вотсапа», ни «вайбера», ни интернета, ни «даже старенького плейстейшена, чтобы в „Сайлент Хил“ пошпилиться». * А слова «телефон» и «карман» были не совместимы, ни семантически, не практически.

Бредовое время было, в понимании современной молодёжи. Низкофункциональное!
Только лист бумаги, конверт и шариковая ручка...

Я называл её Марго и Ритой. Маргоритой!
Но сам не был Мастером!

И не прилетел к ней на Новый Год в Ленинград... А мы готовились к этому, полтора года! Всё это время уговаривал её встретиться и уболтал-таки, но сам, так и не сподобился появиться...

И Она решила: «закончить всё!»

Звучит жутковато!

Тьху-тьху, до ваших порожних голив! Порвала и сожгла фото, письма.

Выбросила меня из памяти – в мусорку, разом з папирцямы, не представляя, в какую пошлую круговерть я вкляпався в той час!

Смог выбраться, очумело-опустошенный, только через полгода.

А, я-то, наивный, всё не мог уразуметь: почему не способен доползти, дошкрябаться до неё! Все попытки добраться в Питер, пресекались удручающе-суровыми, прямо-таки, порою, драматическими, обстоятельствами! Мне казалось, что витальная связь была разрушена ментально-язвительным презрением, или новыми отношениями. Но не ведал, что это Пепел Писем и Фотографий не пропускал меня к ней...

Более прочего, Рита укоряла тем, что я основательно пропал, после «неприлёта»!
Нет-нет, через полгода, как немного отхлынули проблемы, я написал ей!
Она сурово... не ответила.

Потом два года скитался по поликлиникам и санаториям. ВСД и нервное истощение-результатирующая эквидистанта после моральной перегрузки.

Но, спорт, вытащил из гадкого неврастенического болота. А литература и Вера очистили ментальность.

Эти два года, я продолжал писать ей... в пустоту. Без малейшей надежды на прочтение. Письма уходили в никуда, а рассказы в стол...

Рок-группа, в которой я «лабал на басу», вытянула межотраслевой конкурс самодеятельных коллективов. Нас наградили поездкой в Ленинград, Приозёрск и Выборг.

Три дня, три ночи. Паровоз, автобус, ночь в гостинице, две ночи на колёсах.

По приезде домой, на меня снизошло «откровение», что вполне мог бы добраться до Сестрорецка, пожертвовав поездкой в Приозерск, или Выборг!

Нам прочили судьбу великих музыкантов, курчавый делец, выпустивший пару назойливых див на телеэстраду, предлагал своё покровительство и организацию концертов... Мы, недальновидно отказались, пытаюсь сами, интуитивно, нащупать свой путь, типа рок-клуба, записи магнито-альбомов...

Но руководитель группы и вокалист, неожиданно слились от нас.

Юрка Баранов, закончивший Орловский институт Культуры по классу «руководитель музыкального коллектива», великолепный мультиинструменталист, «пиливший» партии с листа и заставлявший нас основательно учить нотную грамоту, снимавший на слух партию любого инструмента с аудиозаписи, перевелся из клуба на фрезерный станок. Время было такое гадкое-страну ломало и корчило, от инвазии буржуинских бацилл, которыми её инфицировал Г и Ко, напиговав антисоветскими инъекциями и инфильтратами. А вокалист Вовка Евплов -сильно женился и торговал на вещевом рынке подделками под фирму. Перспективу работы профессиональных рок-музыкантов мы наивно упустили...

Я пытался освежить и собрать новый коллектив, (был же доармейский опыт!), однако не нашел достойной замены нашим профессионалам и забросил бас-гитару на балкон...

А потом был ответ от Марго – одноразовый. Серьёзный, густо насыщенный обидой. Она мучительно-болезненно восприняла мой «недолёт».

Писала: «То, что ты сделал, не исправишь. Даже, когда объявили твой рейс, не представляла и не верила, что ты появишься и мы, наконец-то встретимся!...»

Я, всё же надеюсь, что где-то, пусть в Параллельной Реальности, в другой Галактике, в Туманности Андромеды, у кожного трапа вимана, им удалось встретиться. И они стояли несколько минут под мокрым снегом, текущим с серого метеоритного неба, обнявшись, не веря, что это случилось! И, не отпуская рук и взглядов, счастливо брели потом, куда-то без направления, по чугунным мостам, над Невой (Туманоандромедской). Сидели в уютном кафе над рекой. Кофе остыло, а их глаза и руки, всё еще, не могли расцепиться...

– Шепчуца Явор з Калиною,

– В сумной долине над яром...

Но в Нашем Измерении, этого не случилось. Зеро-зеро, серо-серо...

Я долго и нудно писал по разным адресам, но ответов не было.

Додумался написать на её старый адрес, просил родителей, прислать новые координаты. Написал бы и её сестре, но та с семьей уехала из Ленин... Питера, куда-то в Волгоград.

Раньше это помогало, и мама Марго пересылала мои письма до Ритули...

О чем же там было, в том ноябрьском письме?...

Поздравлял её с двадцатипятилетием. Рассказывал, как не смог на машине добраться до неё... дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.